

Н. С.
ЛЕСКОВ

Избранное

НАДЛЕЖИТ НЕ ОСУЖДАТЬ ПРОСТУПКОВ, НЕ ЗНАЯ РУКОВОДИВШИХ ИМ СООБРАЖЕНИЙ

Иеродиакон немолодых лет, но могучей плоти, первейший бас и в служении искусный, имел страсть к бильярдной игре и однажды в день пятничный на страстной неделе, отслуживши и почитая себя от обязанностей свободным, рассудил за безопасное удовлетворить свое влечение к бильярдной игре. Для того он пришел в заведение, где названному влечению своему мог угодить, и уже позвал трактирного служителя, но служители, как один, так и другой, от игры отказались, сказав, что в такой день не могут. Но в эту пору пришел тут квартальный, и они с квартальным стали играть не на подлаз под бильярд, а на деньги. Квартальный же, верный полицейскому нраву, брать любил, а платить не изволил.

Так и тут пришлось: обнаружил он свою полицейскую низкость и платить не хотел, а стал уверять, что уговор был на "подлаз", а не на деньги, и что он сейчас тот уговор готов исполнить -- шпагу снять и под бильярдом лазить. Но дякон этого не хотел и говорил: "Что мне за удовольствие?.. Деньги лучше".

Тогда квартальный потребовал, чтобы в таком разе продолжать игру до его отыграния и за всякою партией выпивать мазу по большой рюмке рому или вина. Дякон, желая свой выигрыш получить, на то согласился, и как он лучше квартального играл, то опять все-таки выиграл, и то, что надлежало ему выпивать, пил честно. Когда же он от выпитых им рюмок мазу охмелел, то, будучи в своем праве, стал круче с квартальным поступать и требовать от него уплаты девяти рублей проигранных денег. При этом завели спор, во время которого неизвестно кто и каким образом весьма старое бильярдное сукно кием подпорол и испортил.

Тогда к спору их присоединился трактирщик, и его трактирные слуги, не смея рук своих на квартального тронуть, весьма смело подняли оные на иеродиакона. Они с наглостью стали уверять, что это, конечно, по их рассуждению, от игры в такой великопостный день, и что вред тот доподлинно сделал не квартальный, а дякон, и он за то сейчас сорок рублей заплатить должен, или если таких денег с ним нет, то они пошлют дать знать монастырскому начальству. А когда иеродиакон сообразил, что это есть подвох и что сукно, давно обновления требующее, вероятно, вспороно некоторым из служителей, от игры за страстным днем отказавшихся, то платить не захотел и, несколько излишне на могучность свою полагаясь, стал их плечами пожимать и вталкивать и сам к двери выхода подвигаться; но тогда все вдруг с азартом на него кинулись, и, после буйственного на него нападения, один, наиболеею военною хитростью одаренный, вскочил на бильярд и с высоты бильярда набросил на фигуру дякона с головой пестрядинное покрывало, так что он очутился как подсвинок, которого мужик заключил в мешок и, завязав, везет на базар, и тот только может визжать, но ничего не видит. Так и его, покрыв, приступили бить со всеусердным ожесточением во все части и, нащупывая, где его глава, за власы его притягали, и платье на нем порвали, и, руки под пестрядину подсунув, часы с бисерною цепочкою и деньги с кошельком до девятнадцати рублей совсем с карманом из вшивного отверстия изъяли. Словом, так его отдушили и обидели, как оного евангельского, шедшего по пути и впавшего в разбойники. И все это

душегубительство они произвели так, что оный несчастный, быв повергнут и придавлен, с покровенной головою, ничего сам не мог видеть: кто именно в какое место бил и что с него совлек, и одно что для своей защиты мог, то сквозь пестрядину зубами кусался. Но бессердечным обидчикам этого страстотерпца и всего того, что сделали, еще мало показалось, а они или, лучше сказать, квартальный (ибо его это была погибельная мысль) такой захотел дать оборот, чтобы еще битый у небитых сам отпущенья просил и умолял о покрытии его их ненадежною тайностию, и из этого места откупился.

Так, когда штатские всем совершенным ими над, диаконом удовольнились и помышляли уже приступить к метанию между собою жребий о похищенном, квартальный был несyt причиненным и сказал: "Еще не прииде тому час, а призовите мне моих охраняющих солдат, пусть свяжут ему руки и поведут сего буяна, чтобы все видели, и довлеет ему, а там, в монастыре, его сдать на руки, и там ему его священнодиаконство помянется и аксиос ему пропет будет за то, что в такой постный день на бильярде играл и вино пил".

Услыхав же это, диакон стал ротиться и клятися, что он у себя в келье в клобуке имеет еще сто рублей секретно заделаны, и все их отдаст, только чтобы по улице его яко связня не вели, а с свободою рук отпустили. И штатские хотели его с одним человеком отпустить, которому бы диакон, придя домой, деньги за двери вынес, но квартальный, исполнясь недоверия к пострадавшему духовному, сказал: "Нет, он как уйдет в обитель, то денег уже не вынесет и нас обманет, а лучше держите его, и представим приставу, чтобы и тот от сего случая не скуден остался". И, шед вон скоро, привел сюда с собою частного. Частный же, рассмотрев дело и видя диакона присмиренного и весьма потыканного и одертого, понял и погрозил квартальному перстом, а солдатом и штатских выслал, а диакону сказал:

-- Восстав, идем отсюда, -- и был ему за истинного самарянина: всадил его вовнутрь своих крытых дрожек и повез на своем скоте, а дорогою полезный совет дал: "Ты, -- говорит, -- сознайся и факта трактирного не отвергай, но что у тебя будто сто рублей в келье в клобуке заделаны, не обнаружь, потому что они тебе самому годятся на другой случай, а отвечай смело, и за тебя тот, кому надо, больше заплатит. Я эту необходимость понимаю".

И привезя впавшего в разбойники с собою в обитель, доложил и игумену, которому все рассказал и, быв с ним наедине, предложил тому на выбор: оглашению дело предать или дать ему триста рублей на потушение. Игумен же был весьма в правлении опытный и, видя в чем дело и какой может быть стыд, много не говоря, просимые деньги приставу вынес и подал; после чего тот сейчас и уехал, а потом игумен стал диакона укорять и выговаривал:

-- Зачем ты в такое место попал?

-- Ни для чего другого, как для бильярдной игры, -- отвечал диакон.

-- Но почему именно в такой великоскорбный день, когда никто не ходит?

А тогда диакон, сам на себя негодуя и видя уже, что все опасное для него за данными приставу поминками миновало, а голос его к служению нужен, робкость оставил и, осмелев, с досадою ответил:

-- А вы когда же мне ходить прикажете? В простые дни всякая сволочь мирских людей в те места вхожи, а в такой день, как ныне, мирянин идти не отважится.

Так поступок его хотя непохвален, но рассудливость не почтена быть не может.